

БИБЛЕИСТИКА

историко-филологическая наука, изучающая *Библию* как лит. произведение посредством текстологического (т. н. низшая критика; нем. Textkritik; англ. textual criticism, lower criticism) и лит. анализа (нем. Literarkritik, höhere Kritik; англ. higher criticism). Предметом текстологического анализа являются рукописные и печатные тексты, содержащие библейские книги или их фрагменты, так что библейская текстология занимается исторически документированным периодом существования Библии, от к-рого сохранились рукописные и печатные свидетели текста (о методах и целях этого анализа см. ст. *Текстология библейская*). Объектом лит. анализа являются лит. формы, в к-рые воплощены библейские произведения, их содержание и происхождение. Поскольку между историческими событиями, о к-рых сообщает Библия, временем возникновения библейских книг и сохранившимися рукописями существует временной разрыв, иногда весьма значительный, суждения о происхождении соответствующих текстов чаще всего основаны на методах и достижениях исторической науки, лингвистики, литературоведения, фольклористики, археологии (см. *Археология библейская*), этнографии и социологии, на типологическом изучении религии, культуры и лит-ры. Конечной задачей лит. анализа является установление обстоятельств и условий происхождения библейских текстов. Всякий корректный с научной т. зр. лит. анализ принимает во внимание данные рукописных источников, поэтому лит. и текстологический анализы обычно взаимосвязаны.

Б. как наука появилась в Новое время и при формировании тесно взаимодействовала с классической филологией, сравнительным и позже историческим языкознанием, востоковедением, и в частности с гебраистикой. В немалой степени Б. влияла на традиц. богословские дисциплины - экзегетику и герменевтику, ее результаты отражаются в исагогических трудах (см. *Исагогика*). Историко-филологическое исследование Библии может служить существенному уточнению традиции, выявлению множества забытых исторических подробностей, вскрытию законов построения библейских текстов и в конечном счете приданию традиции еще большей убедительности и устойчивости.

Исторические предпосылки и становление Б.

Рационалистические методы исследования разрабатывались с наступлением Нового времени, и невозможно назвать какого-то одного ученого, к-рому они обязаны своим появлением. К тому же спорадическое использование отдельных методов критики наблюдается на протяжении всей истории человечества в виде рационалистического истолкования действительности, при к-ром критерием истинности становятся не традиция или авторитет внешнего свидетельства, а доводы логики и разума. Так, при пересказе содержания ВЗ *Иосиф Флавий* в соч. «Иудейские древности» строит изложение применительно к системе религ. и культурных представлений греко-рим. мира, подчеркивая национально-исторические и мифологические моменты, что было бы невозможно, если бы его труд был обращен к иудейской среде. В раввинистической экзегезе глава евр. общины в Вавилонии *Саадия* бен Иосиф Гаон (882-942) говорит, что Писание можно понимать в переносном смысле лишь тогда, «когда прямой смысл стиха противоречит истинам разума, когда он противоречит эмпирической истине, когда он противоречит другому месту Писания и когда он

противоречит подлинной традиции учителей и мудрецов» (Иошн. С. 29). Наследниками Саадии были Раши (1040-1105), комментарий к-рого, хотя и пользуется мидрашами, вскрывает прямой, а не переносный смысл Библии, Авраам Ибн Эзра (ок. 1092-1167), в толкованиях к-рого значительное место уделено грамматическим и этимологическим объяснениям, и др. Появление основного труда Саадии - перевода ВЗ на араб. язык - создавало предпосылки для рационалистической методики. К этому же подталкивала практика составления библейских словарей и грамматик. Так, словарь и грамматика Давида Кимхи (ум. 1235) получили широкое распространение в ср. века и благодаря Элияху Левите (1468-1549) стали известны латиноязычному миру. Нек-рые наблюдения, сделанные в раввинистическую эпоху, свидетельствуют о зарождении рационализма. Напр., Бен Аззай в нач. II в. отметил, что там, где в Пятикнижии упоминаются жертвоприношения, Бог носит имя Яхве (мидраш Сифре на Числа. 293); Элиэзер из Божанси (XII в.) выделил слова, возможно принадлежащие «редактору» Торы; Ибн Эзра в комментарии на Втор 1. 1 отметил неск. мест, к-рые, по его мнению, не мог написать Моисей (Быт 12. 6; Исх 24. 4; Числ 33. 2; Втор 31. 9, 22; и др.). Наблюдения Ибн Эзра были известны Б. Спинозе и отразились в его «Богословско-политическом трактате» (Tractatus theologico-politicus. Hamburg, 1670).

В христ. мире первым и существенным проявлением рационализма в подходе к изучению Библии стали Гекзаплы Оригена, к-рый поставил вопрос о надежности перевода Септуагинты. Блж. Иероним сделал перевод ВЗ в основном с евр. текста, провозгласив тем самым превосходство «еврейской истины» (veritas hebraica). В «Церковной истории» Евсевия Кесарийского подвергнута анализу церковная традиция об авторах и времени написания Евангелий. Блж. Августин отметил несовместимость нек-рых положений Библии с уже известными научными данными и житейским опытом, напр., что свет создан прежде солнца, и проч.

Контакты евр. и христ. экзегетов в средневек. Европе открыли для последних возможность знакомства с Библией в ее оригинальной языковой форме, что стало импульсом для сравнительно-филологического ее изучения. Первым центром такого сотрудничества стал мон-рь Сен-Виктор близ Парижа, его настоятель Гуго Сен-Викторский († 1141) широко использовал комментарии Раши в трехтомном толковании Библии. Вслед за ним к евр. источникам обратились его ученики и последователи, в числе к-рых известен Роберт Гроссетест († 1253), еп. Линкольна, составитель изъяснений на дни Творения и Псалтирь. Благодаря усилиям ориенталиста и миссионера Реймонда Лулли на Вьеннском Соборе (1311-1312) было принято решение о преподавании вост. языков (греч., евр., сир. и араб.) в ун-тах Оксфорда, Парижа, Болоньи и Саламанки. Николай Лирский ввел в оборот значительный круг евр. источников в толкованиях на Библию. Его труд (Biblia cum postillis Nicolai de Lyra. 1471) стал на мн. десятилетия самым популярным сочинением по Б. в слав. мире, к нему обращался Франциск Скорина. Позже эти источники были пополнены еп. Павлом Бургундским. Дж. Манетти (1396-1459) положил начало богатому собранию евр. рукописей Ватикана, Пико della Мирандола (1463-1494) был знатоком евр. и араб. языков. На основе грамматики Д. Кимхи первое христ. руководство по евр. языку издал К. Пелликанус (1503), за ним последовали И. Рейхлин (1506) и их ученики С. Мюнстер (переиздание грамматики в 1524 г.,

библейских и светских текстов), Ф. Меланхтон, первый систематизатор протестант. богословия, и др. В Италии и Франции вклад в распространение евр. языка и письменности внесли гуманисты Франческо ди Джорджо (1439-1502), Пьетро Галатино (1460-1540), Бенито Ариас Монтано (1527-1598), Гийом Постель (1510-1581), Ги Бодери де Лефевр (Гвидо Фабрициус, 1541-1598). Развитию гебраистики способствовали издания многоязычных Библий-полиглотт. Характерной чертой этого периода стало то, что переводы Библии вошли в богословское употребление, вытесняя порой оригинальные тексты.

В XVII-XVIII вв. усилиями гуманистов был создан необходимый для критической работы с евр. текстом ВЗ инструментарий: издания, грамматики и словари. К вышедшим ранее полиглоттам и раввинским Библиям прибавились Парижская (1629-1645) и самая полная Лондонская (1654-1657) полиглотты. Кроме того, появилось множество справочных изданий масоретского текста (МТ): Й. Буксторфа-старшего (Biblia sacra hebraica et chaldaica / Stud. J. Buxtorfi. Basileae, 1611; 1618-1619. 4 vol.), И. Атиаса (1661), И. Леусдена (1667), Д. Э. Яблонского (1699), Э. ван дер Гута (1705), И. Г. Михаэлиса (1720) (см. ст. Библия, разд. «Рукописи и издания»). Грамматики евр. языка издали В. Ф. Капито (1525), С. Пагнинус (1526). Грамматика Буксторфа-старшего (1609, 1651), знатока раввинистической лит-ры, отличалась тщательностью изложения и отношением к библейскому языку как к священному. В грамматике А. Данца (1686) евр. язык был описан вне его связи с раввинистической традицией. Было признано значение др. семит. языков для понимания древнеевр. текста, что вызвало публикацию грамматик араб. (Г. Постель. 1527), араб., или халдейского (Мюнстер. 1527), и сир. языков (П. Видманштад. 1555; А. Мазеус. 1571). Неск. позже в поле зрения ориенталистов попали эфиоп. язык и самаританский диалект араб. Комплютенская полиглотта содержала словарь Vocabularium hebraicum totius Veteris Testamentis (Еврейский словарь всего Ветхого Завета). Большим авторитетом пользовался Lexicon Chaldaicum Talmudicum et Rabbinicum (Халдейский талмудический и раввинистический словарь), издававшийся 3 поколениями семейства Буксторфов (впервые в 1607). Для XVII в. характерно издание многоязычных словарей семит. языков: пятиязычный словарь В. Шиндлера (1612) и семиязычный - Э. Кастеллуса (1669). Долгое время евр. язык считался матерью всех языков, священным языком, от к-рого произошли остальные, но, начиная с работ А. Шультенса (1733), он оценивается наравне с др. семит. языками, а главное место в этой языковой семье отводится араб. Распространению идей Шультенса способствовал И. Д. Михаэлис.

Освоение греч. языка было делом классической филологии и мало коснулось библейских штудий. Зато в области текстологии НЗ введение в оборот новых рукописей и развитие издательского дела происходили интенсивнее, чем в области гебраистики. Появление изданий библейского текста и его древних переводов привело к обнаружению множества разночтений и осознанию текстологических проблем. Текстологическое изучение столкнулось в то время с сопротивлением католич. и особенно протестант. ортодоксии. Догматически понятый принцип Свящ. Писания (sola Scriptura) требовал сохранения в неприкосновенности каждого слова Библии. Богодухновенным считался не только консонантный текст ВЗ, но и акценты с огласовками масоретского происхождения. Ожесточенную полемику вызвало,

напр., сочинение Л. Каппеллуса (*Arcanum punctationis revelatum*. 1624), где автор доказывал, что масоретские знаки возникли не ранее VI в. по Р. Х. как плод традиции синагогальной рецитации Библии. Католик И. Моринус пытался показать (1633), что МТ с его множеством разночтений нельзя считать подлинным и что первоначальный текст Библии следует искать в Септуагинте и Вульгате, к-рые были переведены с более надежных евр. оригиналов. В защиту МТ выступил Каппеллус (1585-1658), в «*Critica sacra*» (1650) он утверждал, что Сам Бог предвидел возможность человеческой погрешности при передаче текста и что критическое исследование не противоречит представлению о богодухновенности евр. текста.

В сочинениях деятелей Реформации были высказаны историко-критические суждения о происхождении отдельных книг ВЗ. Признавая Моисея автором Пятикнижия, М. Лютер полагал, что он мог пользоваться источниками, созданными др. авторами. На основании Втор 34. 4-12 А. Р. Карлштадт подверг сомнению авторство Моисея. Лютер не считал пророков Исаию, Иеремию и Осию авторами соответствующих книг, высказывал сомнения в том, что Екклесиаст написан Соломоном. Ж. Кальвин был первым в ряду исследователей, искавших создателей библейских книг среди их персонажей: оспаривая авторство книг Самуила и Иисуса Навина, он назвал автором последней свящ. Елеазара (Нав 21. 1; 24. 33). Реформаторы вновь поставили вопрос об объеме христ. канона ВЗ: Лютер сомневался, включать ли в канон Книгу Есфири, Карлштадт утверждал, что неканонические книги и дополнения не являются Писанием и не могут служить источником христ. догматики (см. ст. Канон библейский). Новый взгляд на Свящ. Писание как на единственный источник вероучения, сформированный к 1520 г. Лютером и У. Цвингли, привел к отказу от традиции святоотеческой и средневеков. экзегезы. Лютер отвергал мысль о наличии 4 смыслов в Писании (см. ст. Аллегорическое толкование), ограничивая задачу толкования выяснением прямого смысла текста. Систематизатор протестант. герменевтики М. Флаций утверждал, что единственный буквальный смысл Свящ. Писания тот, к-рый воспринимали первые читатели библейского текста (*Clavis scripturae sacrae*. Basileae, 1567. 2 part.).

Продолжателем традиции гуманистического прочтения Библии стал Гуго Гроций, к-рый изучал Библию как литературно-исторический памятник. Его «Примечания к Ветхому Завету» (1644) стали первым комментарием, в к-ром главное внимание уделялось филологии, истории и жизни Др. Израиля, а не богословскому содержанию; в комментарии на НЗ он сопоставлял новозаветную историю с античной. Нем. гуманист И. Камерарий (1500-1574) в исследовании языка НЗ обращался к классической античной лит-ре без учета святоотеческой. Дж. Лайтфум (1602-1675) впервые сопоставил тексты НЗ с произведениями раввинистической лит-ры.

Представители европ. рационалистической философии осуществили первые опыты исследования ВЗ методом высшей критики, высказав мысли о происхождении ВЗ и его отдельных книг. Т. Гоббс (Левиафан. 1651) утверждал, что свидетельства об авторах библейских книг следует извлекать из самих текстов, поэтому Пятикнижие не могло быть написано Моисеем.

Б. Спиноза в Богословско-политическом трактате предлагал программу новой дисциплины, к-рую он назвал «История Свящ. Писания». Один из отделов этой науки «должен описать для всех пророческих книг обстоятельства их написания, т. е. жизнь, характер и цели авторов каждой книги, кто он был, что послужило поводом к написанию книги, когда он писал, к кому обращался и на каком языке». Спиноза делает вывод, что 12 книг от кн. Бытие до 4-й кн. Царств написаны Ездрой, а ветхозаветный канон составлен фарисеями в эпоху Маккавеев. Католич. свящ. Р. Симон в «Критической истории Ветхого Завета» (1678) предположил, что свою окончательную форму книги ВЗ получили под рукою переписчиков. Коллективным автором нек-рых частей ВЗ Симон считал гильдию общественных писцов. Эти воззрения были резко отрицательно приняты в католич. среде, книга Симона была конфискована и уничтожена.

Особое место вопросы религии занимали в деистическом мировоззрении, в поисках «естественной религии» деисты подвергали резкой критике исторически существующие религ. системы. Так, в ВЗ были обнаружены противоречия с христ. моралью. В НЗ замешательство вызывали чудеса. Если для Дж. Локка (The Reasonableness of Christianity as Delivered in the Scriptures. L., 1695) чудеса, несовместимые с нормальным человеческим опытом, служили доказательством божественного происхождения Свящ. Писания, то Т. Вулстон (Woolston Th. Discourses on the Miracles of Our Saviour. L., 1727) полагал, что чудеса могут быть поняты лишь аллегорически.

Со времен Реформации в среде протестант. богословов возникло убеждение, что умозаключения и выводы о библейских текстах могут быть сделаны независимо от авторитета Церкви. Цели изучения Библии, согласно этому убеждению, должны быть те же, что и в проч. научных дисциплинах, равным образом и методы должны быть строго позитивными, оправдавшими себя в изучении лат. и греч. античности. Выражение этих идей можно найти, в частности, у протестант. богослова и филолога И. А. Гурретини (1671-1737), к-рый настаивал на том, что толкование Свящ. Писания должно следовать конкретным особенностям библейской книги, а не церковной догматике (1728). Лейпцигский богослов и филолог И. А. Эрнест (1707-1781) первый ограничился в толковании НЗ лингвистическим анализом и отказался от церковной традиции его понимания (1761). С программой применения единого историко-филологического метода трактовки всякого лит. текста, в т. ч. и Библии, выступили К. А. Г. Кайль (1793; 1810) и Г. Л. Бауэр (1799). Решающий шаг в осуществлении этой программы сделал И. З. Землер, разделив Библию на слово Божие и слово человеческое и высказав пожелание, чтобы апостольское происхождение вошедших в канон НЗ книг было доказано историческим исследованием (1771-1775).

Б. как наука вполне определенно заявила о себе в Германии в посл. трети XVIII в. в работах Землера, И. Д. Михаэлиса, Г. Э. Лессинга, И. Ф. Габлера и др. и вошла в программу университетского изучения. В Великобритании деизм XVII - 1-й пол. XVIII в. не нашел последователей в науке. Лишь публикация сб. «Essays and Reviews» (1860), редактором к-рого был Х. Б. Уилсон, познакомила англоязычный мир с ситуацией в нем. науке. В посл. в брит. Б. появились такие ученые, как специалист по ветхозаветному богословию У. Р. Смит, энциклопедист Дж. Гастингс, богослов и

текстолог Б. Х. Стрипер, исследователи Евангелия Р. Г. Лайтфут и Ч. Г. Додд и др. В 20-х гг. XX в. возникла скандинавская школа изучения ВЗ, начало деятельности которой положили дат. семитолог Й. Педерсен и норвеж. богослов З. Мовинкель. В США расцвет Б. пришелся на время после второй мировой войны, которая заставила мн. нем. ученых покинуть родину и обосноваться за океаном. Для развития Б. в католич. среде решающим моментом была публикация энциклики папы Пия XII «Divino Afflante Spiritu» (1943), поощрившей ученые исследования Библии. В это же время значительно возрастает интернационализация Б., что связано также с эмиграцией ряда нем. богословов и библеистов в Англию и США накануне войны и образованием влиятельных научных об-в: Studiorum Novi Testamenti Societas (SNTS), Society of Biblical Literature (SBL).

Главные темы и методы Б.

Текстология

Наиболее динамичной частью Б. в XVIII в. была текстология. Несмотря на то что по-прежнему издавался «общепринятый текст» НЗ, порой с незначительными вариациями, увеличение критического аппарата привело к тому, что в поле зрения исследователей вошло не менее 200 греч. новозаветных рукописей (в изд. И. Веттштейна. 1751-1752), а количество разночтений в тексте превысило 30 тыс. (в изд. Дж. Милла. 1707). Так перед учеными-библеистами встала задача дать ответ на весьма широкий круг вопросов, прежде всего собственно текстологических: о природе текстовой вариантности, принципах выявления первичных и вторичных чтений, об отборе источников текста и т. д. Однако классификация рукописных источников по группам, предложенная Землером и развитая И. Я. Грисбахом, поставила под сомнение критическую ценность визант. текста, бывшего в церковном употреблении по крайней мере с IV в. В своем издании НЗ (1831; 1842-1850), основанном на древних источниках и методах реконструкции, К. К. Лакман отказался от церковной традиции, тогда как логические выводы были сделаны во 2-й пол. XIX в. Ф. Хортом и Б. Ф. Уэсткоттом.

Результатом сходного развития текстологии ВЗ стала публикация разночтений по большинству сохранившихся евр. рукописей, осуществленная в 1776-1780 гг. Б. Кенникоттом и дополненная Дж. Б. Де Росси (1784-1788). По сравнению с текстом Септуагинты, опубликованным в 1789-1827 Р. Холмсом и Дж. Парсонсом, МТ отличался стабильностью, что, вероятно, не в последнюю очередь послужило тому, что он вытеснил в XIX в. греч. ветхозаветный текст из богословского употребления. Лишь кумран. находки сер. XX в. изменили оценку Септуагинты как библейского источника (подробнее см. ст. Текстология библейская).

Филология и лексикография

Филологическая работа по изучению языковых проблем оригинальных библейских текстов и их древних переводов являлась и является одной из постоянных сфер Б. В XVIII в. в Германии выходили грамматики древнеевр. языка (В. Шрёдер. 1766; Гецель. 1776; Фатер. 1797). Популярны семитологические идеи Шультенса были отражены в грамматике Шрёдера, вытеснившей грамматику Данца. Грамматика (1813) и словарь (1834) В. Гезениуса выдержали неск. десятков изданий и остались, хотя и в переработанном виде (Э. Кауч. 1878), до наст. времени авторитетными пособиями. В руководстве по древнеевр. языку (1817) Гезениус дал краткое описание

всех известных тогда семит. языков, а также основных исторических разновидностей древнеевр. языка. В грамматике Г. Эвальда (1828) систематически описаны лингвистические формы и характеристика произношения. В грамматике Ю. Ольсхаузена (1861) появились морфологические новшества: в качестве лексических праформ даны реконструкции на основе араб. языка; уделено внимание истории языка с привлечением материала из др. семит. языков. Б. Штаде (1879) попытался объединить достижения и методы Эвальда и Ольсхаузена. Э. Кёниг (1881-1897) видел свою задачу в том, чтобы перейти от справочника к руководству.

В XIX в. в области лексикографии конкуренцию Гезениусу пытались составить Ю. Фюрст (1867), Зигфрид и Штаде (1893). В англоязычном мире распространение получили переводы словарей Гезениуса (Дж. У. Гиббс. 1824; Э. Робинсон. 1836). В 1905 г. вышло 14-е издание словаря Гезениуса, значительно переработанное и дополненное Ф. Булем, а годом позже - новая англ. версия словаря Гезениуса с привлечением большого материала из др. семит. языков (Ф. Браун, С. Р. Драйвер, Ч. О. Бриггс. 1906).

В нач. XX в. гебраистика вышла на новый уровень благодаря археологическим раскопкам (документы на аккад., финик., южноарав. языках). В кон. XIX в. успехов добилось сравнительно-историческое языкознание на материале индоевроп. языков, что отразилось в семитологии работами Т. Нёльдеке, К. Броккельмана (1908-1913). Первой грамматикой на новом методическом уровне стала работа Г. Бергштрессера (1918-1929), но полнее всего результаты сравнительной семитологии были использованы в «Исторической грамматике» Г. Бауэра и П. Леандера (1922). Грамматика П. Жоуона (1923), ориентированная в основном на синхронное описание, была призвана заполнить разрыв между фундаментальными трудами и учебными пособиями; в 1991 г. Т. Мураока переиздал ее в дополненном и переработанном виде. В кон. XIX в. расширению представлений об истории библейского евр. языка способствовали достижения метода анализа источников, к-рые позволили в общих чертах представить основные этапы истории ветхозаветной лит-ры. Появились исследования языка и стиля отдельных источников Пятикнижия (К. В. Риссель. 1878; Драйвер. 1891; Й. Краутлайн. 1908). Новый импульс историческое изучение библейского евр. языка получило в работе А. Кропата (1909) о синтаксисе книг Хроник (Паралипоменон). Эпиграфические памятники, обнаруженные в Израиле в 30-х гг. XX в. (см. ст. Эпиграфика), а также рукописи Мёртвого м. существенно дополнили картину истории евр. языка I тыс. до Р. Х. Тексты Угарита позволили по-новому взглянуть на мн. поэтические разделы ВЗ, к-рые, по мнению исследователей, вместе с угаритскими и финик. принадлежат к единой поэтической традиции (Дауд. 1966-1970; И. Авишур. 1984). Перспективы, открывшиеся благодаря угаритским материалам, обратили внимание исследователей в 60-70-х гг. на язык архаической поэзии ВЗ - Быт 49, Исх 15, Суд 5 и т. д. (У. Олбрайт. 1945, 1968; Д. Робертсон. 1972; Ф. М. Кросс, Д. Фридман. 1975). Значительный вклад в исследование истории языка ВЗ внесли израильские ученые: Э. Кучер (1974, 1982) и его ученик А. Гурвиц (1972, 1982), А. Бен-Давид (1967) и др.

Благодаря новым археологическим открытиям, исследованиям отдельных языков и обобщающим трудам существенно продвинулось изучение этимологии древнеевр.

языка, результаты исследований отражены в словаре Л. Кёлера и В. Баумгартнера (1953; 19572; 1967-19953; англ. пер. 1994-2000), а также в Этимологическом словаре семитских языков, работу над к-рым начали российские ученые Л. Е. Коган и А. Ю. Милитарёв (1-й т. изд. в 2001).

Многотомный Богословский словарь Ветхого Завета (Theologisches Wörterbuch zum Alten Testament / Hrsg. G. Botterweck, H. J. Fabry. Stuttg., 1971-2000. (ThWAT); англ. пер.: *Botterweck G. J., Ringgren H. Theological Dictionary of the Old Testament. Grand Rapids, 1974-[2001]. [11] vol.*) и Краткий богословский словарь Ветхого Завета (Theologisches Handwörterbuch zum Alten Testament / Hrsg. E. Jenni, C. Westermann. Münch., 1971-1976. 2 Bde. (THAT)) также отражают результаты последних исследований в области лексикологии и лексической семантики древнеевр. языка. Хотя выбор лексем в этих словарях определяется богословскими соображениями, в методике написания статей преобладает лингвистический и филологический подход. По мнению Дж. Барра (1986), текстология не должна занимать в изучении ВЗ тех позиций, какие она занимает в классической филологии; проблемы ветхозаветного текста, обладающего достаточно однородным характером, могут быть решены средствами лингвистической семантики и этимологии.

К кон. XX в. были достигнуты нек-рые успехи в понимании древнейших стадий развития семит. алфавитного письма (II тыс. до Р. Х.). Хотя основные эпиграфические памятники этого периода все еще не были расшифрованы, эволюция буквенных начертаний получила историческое описание (Б. Засс. 1988; А. Г. Лундин. 1982).

Одной из положительных тенденций последних лет является развитие компьютерных филологических исследований синтаксиса древнеевр. языка. Интересные результаты получены учеными из Голландии (Werkgroep Informatica) под рук. Э. Талстра. Ими разработаны эффективные программные продукты (QUEST1, QUEST2) для исследования морфологии и синтаксиса библейского евр. языка.

Результаты исследования НЗ и его религ. окружения были сведены в 30-х гг. XX в. в богословские и экзегетические словари, так, в 1928 г. вышел словарь В. Бауэра *Wörterbuch zum Neuen Testament*, впосл. выдержавший много переизданий. Достижения религиозно-исторических исследований отражены в *Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament* (Hrsg. von R. Kittel. Stuttg., 1933-1979. 10 Bde (ThWNT)), в к-ром представлены история важных богословских понятий НЗ на фоне палестинского и эллинистического иудаизма и своеобразие христианства рядом с совр. ему религиями. Классическими грамматическими пособиями по греч. языку НЗ являются грамматики Ф. Бласса (*Grammatik des neutestamentliche Griechisch. Gött., 1896; с 1913 в переработке А. Дебрюннера выдержала множество переизданий*) и Дж. Х. Моултона (1906 и сл.). Пособием по греч. языку Септуагинты является изд. *Thackeray H. St. J. A Grammar of the Old Testament in Greek according to Septuagint* ([S. l.], 1909, 1987г).

Источниковедение Библии

Центральным для критической Б. стал вопрос об источниках отдельных библейских книг, к-рые прежде представлялись неразделимым единством. Первые догадки такого

рода были выдвинуты в Германии в нач. XVIII в. Х. Б. Виттером и во Франции Ж. Астриюком. Виттер, лютеран. пастор из г. Хильдесхайма, в комментарии на кн. Бытие (*Iura Israelitarum in Palaestina terra*. [S. 1.], 1711) обратил внимание на употребление различных имен Бога в 2 вариантах рассказа о Творении (Быт 1. 1 - 2. 3 и 2. 4 - 3. 24) и сделал вывод, что до написания книги уже существовали 2 источника (нем. *Gedichte* - поэмы), к-рые передавались изустно, пока не были соединены Моисеем.

Работа Виттера прошла незамеченной и едва ли была известна франц. врачу Астриюку (1684-1766), к-рый последовательно выделил неск. источников в кн. Бытие. Основная цель его книги (*Conjectures*. 1753) была апологетической. Он хотел защитить авторство Моисея, поскольку повторные повествования об одном и том же событии, постоянное чередование имен Элохим и Яхве, хронологическая путаница могут вызвать у читателя кн. Бытие сомнения в существовании одного автора книги. Астриук предположил, что в распоряжении Моисея было 4 источника (*mémoires*), к-рые тот разместил в 4 параллельных колонках, а ответственность за окончательный текст с его несообразностями лежит на переписчиках, искаживших первоначальный замысел.

И. Г. Эйхгорн (1752-1827) познакомил научную общественность с гипотезой Астриюка. Во введении к ВЗ он сделал вывод, что стилистические особенности различных частей Пятикнижия в целом соответствуют разделению, к-рое ввел Астриук. Кроме того, он выделял 2 законодательных корпуса в Пятикнижии: священнический кодекс, т. е. законы книг Исход, Левит и Числа, и т. н. «народные» законы, включенные во Второзаконие. Он полагал, что оба корпуса написал сам Моисей. По сравнению со мн. работами XIX в. критика Эйхгорна весьма осторожна. Он, в частности, настаивал на том, что Книга Иова написана во времена Моисея. Источники, вошедшие в кн. Бытие, были также предметом исследования К. Д. Ильгена (*Die Urkunden*. 1798), к-рый выделил 2 документа, использовавших имя Элохим (E1 и E2).

М.Л. Де Ветте

Й. С. Фатер (*Commentar*. 1802-1805) вслед за Эйхгорном рассматривал законы книг Левит и Второзаконие как различные документы, каждый из к-рых принадлежит особому автору. Пятикнижие, по мнению Фатера, составлено из мн. фрагментов в период изгнания, т. о. документальная гипотеза здесь модифицирована: речь идет не

о 2 источниках, а о 2 фрагментах (Fragmentenhypothese - гипотеза фрагментов). Следует заметить, что впервые этот вывод сделал католич. свящ. А. Геддес из Шотландии (The Holy Bible. L., 1792). Гипотеза фрагментов получила дальнейшую разработку у М. Л. Де Bemte. Он полагал, что в основе кн. Бытие лежит главный документ - «элохист», к-рый дополнен др. фрагментами. Этот основной источник (Grundschrift) использован и в следующих книгах Пятикнижия, где в него вставлены собрания законов. Эта т. зр. получила название «гипотеза дополнений» (Zusätzenhypothese). Большое влияние имела работа Де Ветте о Второзаконии (1805). Заметив, что Самуил, Саул, Давид и Соломон приносили жертвы в различных местах, он сделал вывод, что законы этой книги, предписывающие централизацию культа в Иерусалиме, отражают реформы, к-рые провел царь Иосия ок. 621 г. до Р. Х. Так возникло мнение, что Второзаконие и было той найденной в храме книгой Закона, к-рую первосвященник Хелкия принес царю Иосии (4 Цар 22. 8).

Г. Эвальд

Продолжая разрабатывать гипотезу дополнений, Г. Эвальд в «Истории Израиля» (Ewald H. Geschichte. 1843) отождествил основной источник (Grundschrift) с «Книгой происхождений» (толедот), названной так по повторяющейся формуле «вот происхождение, вот родословие». Этот источник пользуется именем Элохим. Положение Фатера об особом авторе священнических законов, датировка Де Ветте законов Второзакония 621 г. до Р. Х. проложили путь т. н. гипотезе развития (Entwicklungshypothese), к-рая допускает, что законодательство Пятикнижия состоит из неск. слоев, соответствующих неск. периодам в истории Израиля; позже она была названа «гипотезой Графа-Велльгаузена».

А. Кюннен

Уже в 1-й пол. XIX в. нем. ученые (Де Ветте, В. Фатке, Л. Георге) считали, что священнические законы (Левит и нек-рые разделы Исхода и Чисел) написаны позднее исторических книг. К таким же выводам независимо пришел голландец А. Кюннен (*Kuennen A. Godsdienst*. 1869-1870), к-рый атрибутировал Лев 17-26 прор. Иезекиилю и выделил эти главы как отдельный кодекс законов - «Закон святости» (нем. *Heiligkeitgesetz*). К. Г. Граф (*Die geschichtlichen Bücher*. 1866) датировал «яхвиста» (или редактуру той части текста, где упоминается имя «Яхве») сер. VIII в., текст «девторономиста» (т. е. составителя Второзакония) приблизительно 600 г. и окончательную редакцию законов, осуществленную Ездрой, сер. V в.

Ю. Велльгаузен

Результаты критических исследований источников Пятикнижия были обобщены Ю. Велльгаузенем, предложившим в статьях 1876-1877 гг. следующую историческую схему: самые ранние источники яхвист (сокращенно J от нем. *Jehovist*) и элохист (сокращенно E от нем. *Elohist*) были объединены иеговистским редактором (J/E); Второзаконие (сокращенно D от лат. *Deuteronomium*) появилось как независимый источник при царе Иосии в 622 г. до Р. Х. и в посл. было дополнено повествовательным, гомилетическим и юридическим материалом. В D не отразился священнический кодекс (сокращенно P от нем. *Priesterschrift*), зато отразились J и E, следовательно, D было соединено с этими более ранними источниками до того, как был добавлен P. Основу P составляет особый источник Q (от лат. *quattuor*), содержащий 4 договора (завета), заключенных в период от Творения до Синая, составивший хронологическую основу для P, включающего законы о богослужении, в т. ч. «Закон святости» (сокращенно H от нем. *Heiligkeitgesetz*), зависимый от прор. Иезекииля. P является самым поздним источником Пятикнижия. Основной вывод о слепо-слепленном происхождении священнического кодекса дает ключ к датировке книг Паралипоменон, находящихся под его влиянием, а также Судей и Царей (влияние Второзакония - между 621 г. и появлением P). На основании этих критических положений Велльгаузен предложил свою реконструкцию религ. истории Израиля (*Prolegomena zur Geschichte Israels*. В., 1878. Bd. 1).

Документальная гипотеза, получившая свое название после работ Велльгаузена, и метод анализа источников в исследовании Пятикнижия активно применялись в кон.

XIX в. и на протяжении XX в. Развитие шло прежде всего по пути дальнейшего дробления источников. Так, О. Прокш (1906) разделил «элохиста» на 2 источника (E1 и E2). Впервые предложенное К. Будде (1883) разделение «яхвиста» на J1 и J2 было поддержано Р. Смендом (1912). Нек-рые исследователи пытались реконструировать образ автора J1 и давали этому источнику различные названия, напр. «источник мирян» (Laienquelle - Айсфельдт. 1922), «источник кочевников» (Nomadenquelle - Форер. 1969). В священническом кодексе помимо «Закона святости», выделенного А. Кюненом (1869), выявлены и др. слои (Г. фон Рад. 1934).

Тем же путем развивалось исследование НЗ, где источниковедческий вопрос сосредоточился в сфере изучения синоптических Евангелий. Синоптическая проблема была впервые поставлена Грисбахом на текстологической основе, но для ее решения потребовалось привлечение и мн. др. средств. Ее развитие и обобщение в трудах А. фон Гарнака и Б. Х. Стритера, сделанные уже в XX в., отражают совр. понимание этой проблемы, хотя нельзя сказать, что найдены убедительные объяснения всем известным фактам (см. подробнее ст. [Синоптическая проблема](#)).

История Др. Израиля

В XVIII в. в ходе изучения библейских источников стало ясно, что понимание формирования Библии может быть достигнуто лишь как следствие представления об исторических условиях, в к-рых складывались ее отдельные разделы, книги и документы. Обнаруженные позднее археологами папирусы, глиняные таблички, эпиграфические материалы во многом помогли изучению евр. письменности и самой Библии.

Возможно, впервые источниковедческие вопросы были осознаны в сочинении Х. Придо (1716-1718), в к-ром история Израиля начинается с 747 г. до Р. Х., поскольку источники, повествующие о более раннем периоде, по мнению автора, не столь надежны, чтобы на их основе можно было писать историю. С. Шакфорд начал свою «Священную и светскую историю мира» (Shuckford S. The Sacred and Prophane History of the World Connected. L., 1727-1729. 3 vol.) с перехода израильтян через Красное м. Концепции Лессинга и Гердера сформировали в Европе новое историческое сознание и оказали значительное влияние на понимание истории Др. Израиля и его места во всемирном процессе. Новое понимание можно назвать апологией библейской истории, если сравнивать с тем пренебрежением, к-рое она встречала в век Просвещения. Исторические повествования Библии были заново открыты как уникальные документы «детства человечества», проходившего первые этапы своего «воспитания» (Лессинг); для верного их прочтения, для постижения духовного мира древних писателей, по мнению Гердера, необходимо было отказаться от предрассудков современности. Новые историософские концепции вызвали критические исследования законодательного корпуса, осуществленные Де Ветте, Графом, Велльгаузенем и др., к-рые изменили представления о развитии социально-политических и культовых установлений древних евреев.

Кн. Эвальда «История народа Израиля» (1843) - одна из первых работ, использовавших результаты историко-критического метода. Эвальд рассматривал

как исторические документы источники Пятикнижия, поэтические и пророческие тексты. В истории израильского народа он выделил главную тенденцию, к-рая превращает описание отдельных фактов в единое осмысленное целое,- это борьба за истинную и совершенную религию. Синайское Откровение стало наградой в этой борьбе.

Попытки критического исследования евр. истории ветхозаветного периода встретили сильное сопротивление консервативно настроенных богословов, особенно за пределами Германии. Труд Г. Х. Милмана (1829-1830), построенный по традиц. схеме, но с элементами критического подхода, был оценен в Англии негативно. В Германии историко-критическому пониманию ветхозаветной истории противопоставляли «историю спасения» (Heilsgeschichte), концепция была разработана И. К. фон Гофманом на основе богословского подхода, и исторические события трактовались им как реализация Откровения (Tatoffenbarung). Голл. ученый Кюнел считал, что задача критической историографии заключается в том, чтобы на основании анализа источников выяснить события «действительной истории», лишь в искаженном и неполном виде отразившиеся в библейском тексте. История Израиля не может точно следовать библейской хронологии; ее изложение должно начинаться с VIII в. до Р. Х.

Опыт историко-критического исследования ВЗ в XIX в. обобщил Велльгаузен в «Истории Израиля» (1878), представив ее как развитие теократии и Закона от простого к сложному: от примитивной религии земледельцев к интеллектуальному культу городских священников. Велльгаузен выделил 3 фазы, соответствующие источникам Пятикнижия в его законодательной части: домонархическому и раннемонархическому периоду - законодательство яхвиста-элохиста (JE); эпохе царя Иосии - установления Второзакония (D); после пленного периода - священническое законодательство (P). Каждому из этих периодов соответствуют 3 ветхозаветных исторических комплекса: Шестикнижие (Быт-Нав), Суд-2 Цар, Пар-Езд-Неем.

Данные археологии становятся важным источником истории Израиля только в нач. XX в. (см. ст. Археология библейская). Результаты археологии Др. Востока оказались чрезвычайно важны для Б. и принципиально изменили представления о культурном, религ. и политическом развитии в этом регионе. Они показали, что Др. Израиль развивался на периферии 2 крупнейших цивилизаций, к-рые были старше его на 2 тыс. лет. Образ примитивного, близкого к природе и незнакомого с городской культурой древнейшего Израиля был разрушен. Раскопки в Египте обогатили библейскую историю документами XV-XIV вв. до Р. Х. из архива в Эль-Амарне (см. ст. Амарнские письма), содержащими важные сведения о жизни ханаанских городов. В 1906 г. открыты араб. папирусы V в. до Р. Х. из евр. военной колонии в Элефантине. Знакомство европ. науки с клинописными документами Месопотамии, открытыми П. Э. Ботта в Хорсабаде, О. Г. Лейардом в Нимруде, Г. К. Роулинсоном в Ниневии, вызвало к жизни особую научную концепцию панвавилонизма, основанную на утверждении, что Месопотамия была колыбелью человеческой цивилизации. Эта концепция стала влиятельной в среде

востоковедов и библеистов в нач. XX в. Она была обусловлена тем, что знания о др. древневост. культурах были довольно скудными в кон. XIX - нач. XX в., тогда как открытые клинописные тексты (Энума Элиш, эпос о Гильгамеше, Законы Хаммурапи и др.) производили впечатление как своей самобытностью, так и обилием параллелей с Библией. Панвавилонистами были ассириологи Г. Винклер, П. К. Йенсен, А. Иеремиас и др. Панвавилонистские тенденции характерны и для работ Ф. Делича (1850-1922), к-рый в кн. «Babel und Bibel» (1902-1905, рус. пер.: Вавилон и Библия. 1910) утверждал, что вавилонские тексты необходимы не только для толкования Библии, но и для христ. благочестия. Вавилон и Библия казались неразделимыми, являя собой основу нового религ. мировоззрения.

Археологические открытия в Палестине, Египте и Месопотамии не только дополнили источниковедческую базу по истории Израиля, но и принципиально изменили ее методологию: история как наука избавлялась от романтических и идеалистических концепций, приобретая все больше позитивизма. Первым автором, построившим значительную часть своего труда на данных археологии, был Р. Киттель (19122), к-рый использовал их для разд. «Культура и религия раннего Ханаана». Раскопки древних городищ Палестины и письма из Эль-Амарны открыли доселе неизвестный мир ханаанской городской культуры II тыс. до Р. Х.

А. Альт

Рядом с археологической историей Ханаана историчность ветхозаветных патриархов, не вступавших в сношения с городской культурой и не упоминаемых в др. источниках, вызывала сомнения. В работе «Бог отцов» (1929) нем. библеист А. Альт попытался с т. зр. истории показать, что Авраам, Исаак и Иаков были реальными прародителями родов. Альт также предложил оригинальное решение проблемы завоевания Ханаана (1939). Он обратил внимание на культурно-топографическую неоднородность страны: на равнине располагались города-гос-ва, на гористой местности - территориальные гос. образования. Альт пришел к выводу, что захват земли происходил постепенно и мирно, начавшись с горных районов, где можно было почти беспрепятственно селиться вокруг менее крупных, чем на равнине, поселений. Основанием для завоеваний были миграции полукочевников в поисках новых пастбищ в соседстве с культурными областями. Др. представитель нем. школы истории традиции М. Ном предложил концепцию амфикистии (1930) - существования ассоциации небольших государственно-племенных образований, к-рые располагались вокруг единого религ. центра,- характерной для Израиля после

завоевания страны и в эпоху Судей. В «Истории Израиля» (1950) он выдвинул тезис, что сходная структура союза 12 племен с единым культом и законом была характерна и для последующей истории евр. народа.

Амер. историческая школа, основанная У. Олбрайтом, широко использовала археологические данные. Его очерк «От каменного века до христианства» (1940) объединяет все археологические и исторические свидетельства, чтобы дать полноценное освещение библейского текста, за к-рым признается историческая достоверность. Более детально позиция Олбрайта представлена в книгах его учеников Б. У. Андерсона (1957) и Дж. Брайта (1959). Израильские ученые, особенно Б. Мазар, И. Ахарони и И. Ядин, в своих оценках ранней истории Израиля на основании археологических данных склонялись к распространенной в Америке т. зр. Олбрайта. В 70-х гг. XX в. исследования ряда ученых (А. Д. Мейес. 1973; Дж. Ван Сетерс. 1975; Р. Рендторф. 1977) поставили под сомнение историчность мн. библейских повествований, прежде всего текстов о патриархах (Т. Л. Томпсон, 1974). С этими тенденциями связано постепенное «омоложение» начала израильской истории в работах последних 2 десятилетий: если изложение «Истории Израиля и Иудеи» Миллера и Хейеса (1986) начинается с эпохи Судей, то в труде «Раскопанная Библия», написанном израильскими археологами Финкельстайном и Зильберманом (2001), рассказ ведется с царствования Иосии (кон. VII в. до Р. Х.). Кроме того, делались попытки написать историю Израиля, и прежде всего раннего периода, только на основе археологических данных (Куте и Уайтлем. 1987; Томпсон. 1987). В 90-х гг. XX в. нек-рые исследователи, называемые иногда «минималистами», поставили вопрос о самой возможности написания истории Др. Израиля (напр., Дейвис. 1992; Н. П. Лемхе. 1994). На фоне этих тенденций выделяется «История народа Израиля» Х. Доннера (1991), сочетающая традиц. характер изложения с новейшими методами работы с источниками.

Развитие ветхозаветной Б. в посл. десятилетие XX в. отмечено дискуссией об истории, археологии и о лит-ре ВЗ т. н. минималистов и максималистов, начавшейся в 1992 г. с появлением кн. Ф. Дейвиса «В поисках Древнего Израиля» и кн. Т. Томпсона «Ранняя история народа Израиля». Минималисты высказывают мнение, что книги ВЗ написаны в персид. (или эллинистический) период, тогда как история Израиля допленного периода, созданная на основе древних легенд, служит политическим и религ. интересам общины беженцев, сформировавшейся в Иудее в персид. период. События от Авраама до разрушения храма не могут рассматриваться как исторически достоверные, и история Палестины железного века может быть написана только на основе археологических данных (*Цевит*. Р. 11). Минималисты связаны с ун-тами Шеффилда (Великобритания) и Копенгагена (Дания), они достаточно влиятельны в США и Скандинавских странах, их работы публикуются в «Journal of Biblical Literature» и в интернет-изданиях «Journal of Biblical Studies», «Journal of Hebrew Scriptures». Помимо названных авторов одним из главных идеологов минимализма является Лемхе (Копенгаген). Максималистский лагерь определить труднее. Самая решительная оппозиция минималистам существует в среде израильских ученых (см. последние работы А. Гурвица); радикальные суждения минималистов вызывают критику не только консервативных

исследователей, но и представителей умеренно-либерального лагеря. Спор этих направлений разгорелся с новой силой после публикации в 1993 г. араб. надписи из Дана, где упоминается «Дом [династия] Давида». Как пишет Ц. Цевит, нек-рые минималисты обвинили археологов в фальсификации (Р. 16). Та же история повторилась и с надписью из Телль-Микне (библейский Екрон), опубликованной в 1998 г.

Библейское богословие

Понятие «библейское богословие» впервые появилось в эпоху Реформации. В протестант., а позднее и католич. традиции под ним понималось изложение библейского учения (в систематической или хронологической форме) с учетом данных историко-филологического исследования Библии. Существенной чертой этой библейской дисциплины был отказ от авторитета толкования Библии в церковном Предании. Первым ее опытом считают лекцию И. Ф. Габлера в Альтендорфе о принципиальном различии библейского и догматического богословий (De justo discrimine. 1787). По Габлеру, библейское богословие имеет исторический характер и видит свою задачу в установлении учений библейских авторов на основании историко-критической экзегезы и их раздельное изложение. Благодаря такому подходу, по Габлеру, могут быть отделены положения, имеющие догматическую значимость, от того, что обусловлено только временем. Подобная работа впервые была выполнена Г. Л. Бауэром (1800-1802).

В 1-й четв. XX в., когда в ветхозаветной Б., особенно в Германии, господствовал историко-критический подход, почти не появлялось работ по систематическому богословию ВЗ. Традиционно богословских тем касались те, кто писал об истории религии Др. Израиля (К. Будде, Б. Штаде, Г. Хёльшер, Эстерли и Робинсон, Гункель). Со временем стала ощущаться недостаточность одного лишь «антикварного» интереса к исторически обусловленным религ. представлениям Др. Израиля, возникла потребность дать ответы на вопросы: что говорит ВЗ о Боге, Христе, человеке и спасении?

Возврат к традиц. систематическому изложению ветхозаветного богословия начался с Р. Киттеля (1921), к-рый признал необходимым охарактеризовать религию Израиля в ее своеобразии и выделить ее смысловое ядро. Штойернагель (1925) предложил дополнить диахронический обзор религии Израиля ее целостной и тематически организованной характеристикой. Вопрос о сочетании историко-критического и систематико-богословского подходов стал предметом дискуссий. О. Айсфельдт (1926) считал, что тот и др. подход следует осуществлять независимо; результаты исторического исследования религии универсальны, и богословы различных конфессий могут их использовать в своих интересах. Айхродт (1929) указывал на возможность сочетания обоих методов, но в том же направлении: исторический метод добывает факты о развитии религии, богословие объясняет непреходящее значение исторически обусловленных религ. идей.

Вероятно, первым систематическим изложением ветхозаветной веры было «Ветхозаветное богословие» Э. Зеллина (1933), структурированное по темам: Бог и его отношение к миру; человек и его греховная природа; Божий суд и спасение. Зеллин описал исторические трансформации богословских идей, но главный акцент

был сделан на систематике. Почти одновременно вышло «Богословие Ветхого Завета» Айхродта (1933-1939). Он представил религию израильтян как целое, сохранявшее единство на протяжении всего ветхозаветного периода, и выделил идею Завета как основную религ. идею, полагая, что ее впервые ввел Моисей, а не пророки (как считали последователи Велльгаузена). Заметным событием стала попытка В. Фишера (1935) выявить христологическое содержание ВЗ путем типологической интерпретации.

Неоортодоксальное движение в англо-амер. протестант. богословии в 30-40-х гг. XX в. стало активно усваивать и развивать достижения нем. богословов, придав им определенное направление. Прежде чем появились работы, сопоставимые по значимости с получившими научное признание нем. «богословиями» ВЗ, в Англии и Америке вышел ряд сочинений, утверждавших непреходящее значение ветхозаветной веры в совр. мире (С. А. Кук. 1936; Х. Роули. 1946; Дж. Э. Райт. 1944; У. Элмсли. 1949; Р. Б. И. Скот. 1944 и др.). Хотя авторы этих работ стремились выйти за пределы науки ради вечных истин ВЗ, они тем не менее принимали во внимание результаты историко-лит. критики. Главным пафосом неоортодоксальной актуализации ВЗ было его христоцентрическое понимание: Откровение в спасительных и карающих деяниях Бога в истории Др. Израиля получает свое завершение в Откровении НЗ. В этих положениях нет ничего нового для христ. богословия, но они прозвучали с новой силой как ответ библейской критике, к-рая, как казалось многим, ставила их под сомнение.

Как утверждает Г. Ф. Хан, наметилась принципиальная разница в позиции континентальных (в первую очередь нем.) и англо-амер. богословов: первые сосредоточились на систематическом изложении основ ветхозаветной веры, вторых интересовал исторический и динамический характер ветхозаветного Откровения (Р. 243). Впрочем, и в Германии появилось «Богословие Ветхого Завета» Л. Кёлера (1936), построенное систематически, но представляющее собой исторический обзор религ. идей в согласии с концепцией Откровения как постепенного раскрытия религ. истин. Автор стремился представить ветхозаветную веру через ее собственные концепции и детально анализировал семантику ключевых понятий; исследования Кёлера в области древнеевр. лексикографии были позже отражены в его «*Lexicon in Veteris Testamenti Libros*» (1953). Значительный вклад в исследование основных понятий богословия ВЗ внесли авторы Богословского словаря Нового Завета (*Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament*), отразившего своеобразие древнеевр. образа мышления сравнительно с греч. В том же ключе написана работа Х. Снейта (1947). В Европе и Америке появляются исследования, посвященные отдельным темам и понятиям богословия ВЗ (напр.: *Stamm J. J. Erlösen und Vergeben im Alten Testament: eine begriffsgeschichtliche Untersuchung*. Bern, 1940; *Johnson A. R. The One and the Many in the Israelitic Conception of God*. Cardiff, 1942, 1961; *Ostborn G. Tora in the Old Testament: A Semantic Study*. Lund, 1945; *Vriezen T. C. Die Erwählung nach dem Alten Testament*. Zürich, 1953; *Zimmerli W. Erkenntnis Gottes nach dem Buche Ezechiel*. Zürich, 1954).

Одной из самых авторитетных работ в этой области стала кн. «Богословие Ветхого Завета» (Münch., 1957-1960. 2 т.) Г. фон Рада, содержащая разделы «Богословие исторических традиций Израиля» и «Богословие пророческой вести». Предметом исследования, по мнению автора, является не история религии и даже не духовно-религ. мир Др. Израиля, а только то, что прямо сказано о Боге в ВЗ. Те документы веры, с к-рыми мы имеем дело, не дают ответа на все вопросы систематического богословия; познание Бога осуществляется прежде всего через Его деяния в истории: «вера Израиля в принципе основана на богословии истории», - утверждает автор (von Rad. Bd. 1. S. 112). «Богословие» фон Рада учитывает результаты библейской критики, в особенности метода истории традиции (см. выше); благодаря этим результатам можно проследить все изменения того образа Свящ. истории, к-рый существовал в древнеевр. религ. традиции вплоть до фиксации в окончательном каноническом варианте.

Г. Форер (1972), возвращаясь к поискам смыслового ядра богословия ВЗ, видел в экзистенциальной установке пророков, связанной с отрицанием магии и законничества, высшую точку развития религ. опыта Др. Израиля. При этом он исходил из понимания Откровения как «личного опыта». В концепциях фон Рада и Форера можно видеть разные т. зр. на то, что составляет центральное событие Откровения в ВЗ,- история или пророческое слово. В более острой форме полярные подходы к этой проблеме выразили Рендторф и Циммерли. Рендторф (1968) высказывал сомнения в том, может ли пророческое слово являться Откровением, если оно основано на интерпретации событий, в к-рых дано Откровение. Для Циммерли, напротив, центральным событием Откровения является слово, провозглашенное пророком. Его кн. «Богословие Ветхого Завета» (1972) построена систематически, главные части названы «Бог», «Человек», «Кризис и надежда» (здесь говорится о наказании и спасении). Работа К. [Вестерманна](#) (1978), также созданная в рамках систематики, представляет своеобразный диалектический ее вариант. Смысловая структура работы определяется следующими оппозициями: благоустроющая (творение) и спасающая деятельность Бога, справедливость и милость Бога (пророчества наказания и спасения), деяние Бога и ответ человека.

История первоначального христианства

I. Вопрос об «историческом Иисусе». Уже в самом начале критической Б. был дан первый импульс реконструкции истории первоначального христианства, в т. ч. образа т. н. «исторического Иисуса». В 1774-1778 гг. Лессинг посмертно опубликовал фрагменты труда Г. С. [Раймаруса](#) (Apologie, oder Schutzschrift für die vernünftigen Verehrer Gottes. Braundschweig, 1778; особенное значение имели публикации 6-го «Über die Auferstehungsgeschichte» и 7-го «Von dem Zwecke Jesu und seiner Jünger» фрагментов). Хотя совр. наука подчеркивает зависимость Раймаруса от англ. деистов Дж. Толанда, А. Коллинза, Т. Вулстона, М. Тиндала и Т. Моргана (Brown C. Jesus. 1985), он первым из нем. ученых воспринял идеи деизма в полном объеме и сделал на их основе методологические выводы. Раймарус усматривал различие между проповедью Иисуса, предвещавшей близость мессианского Царства в характерном для иудаизма политическом смысле и призывавшей к покаянию, и тем, как ее восприняли и передали в своих писаниях апостолы. Иисус, по Раймарусу, принадлежал к иудейской пророческо-апокалиптической традиции, а отделившееся

от иудаизма христианство было создано апостолами. Раймарус объяснял разницу между политическо-мессианской проповедью Иисуса и верой апостолов в страдавшего, воскресшего и вновь грядущего Христа «теорией обмана»: ученики, чтобы скрыть крах своего религ. движения, выкрали тело Господа и через 50 дней выступили с проповедью о его Воскресении и Втором пришествии. Если Раймарусова «теория обмана» не нашла последователей в науке XIX-XX вв., то его положение о несовпадении провозвестия Иисуса Христа и учения апостолов о Нем оказало определяющее влияние на последующее развитие новозаветной Б., в к-рой исключительное внимание уделялось «исследованию жизни Иисуса» (нем. *Leben-Jesu-Forschung*) и истории первоначального христианства.

Нач. XIX в. отмечено попытками написать «биографию» Иисуса, основанную на той или иной оценке историчности канонических Евангелий. Ф. Э. Д. Шлейермахер опирался в своих лекциях о «жизни Иисуса» (с 1819, опубл. посмертно в 1864) на повествование Евангелия от Иоанна, отвергнув синоптиков как неисторические документы; разделяя вместе со своим веком неверие в чудеса, он уделял больше внимания служению Иисуса, оставляя в тени Его смерть и Воскресение. Г. Э. Г. Паулус предложил «историко-прагматический обзор жизни Иисуса» на основе 4 Евангелий (1828), целью к-рого было отразить только исторические факты; автор полагал, что не все, о чем повествуется в Евангелиях, есть правдивое описание действительно случившегося и что чудеса могут быть объяснены естественными причинами. «Научное» изложение «жизни Иисуса» по Евангелию от Иоанна предложил К. Б. Хазе (1829). Там, где источники не дают ясной картины, он оставил открытым вопрос о подлинности события. Хазе, видимо, первым высказал мысль о развитии мессианского самосознания Иисуса Христа, попытавшись обосновать тем самым необходимость психологического подхода к личности Христа. Против исторической достоверности Евангелия от Иоанна выступил К. Г. Бретшнайдер (1820), поскольку, по его мнению, в отличие от синоптиков это Евангелие не могло возникнуть на иудейской почве.

Особенно широкий научный и общественный резонанс из работ такого рода получила «Жизнь Иисуса» Д. Ф. Штрауса (*Das Leben Jesu, kritisch bearbeitet*. Tüb., 1835-1836, 18372. 2 Bde; 3-е, смягченное в критических выводах, издание 1838-1839; 4-е, вновь согласное с 1-м, 1840). Штраус воспринял от Раймаруса идею о том, что в жизни Иисуса Христа не было ни чудес, ни Божественного участия. Для объяснения Евангелий он впервые применил уже существовавшее в его время в ветхозаветной науке понятие «мифа». Мифологическое объяснение евангельской традиции, по Штраусу, есть синтез (в смысле Гегеля) неадекватных толкований, отражающих веру в сверхъестественные начала, с одной стороны, и рационалистических - с др. Подвергнув критике традиц. и научно-рационалистическое толкования евангельских событий, он сделал вывод о неисторичности большей части синоптической традиции, к-рую он оценил как результат бессознательного мифотворчества общины, отражающего религ. идеи вне связи с исторической реальностью. В Евангелии от Иоанна он видит дальнейшее развитие «мифологизирующей» тенденции: согласно Штраусу, оно возникло на основе богословских концепций и исторически менее ценно, чем синоптики. Продолжение биографическому жанру дал Ж. Э. Ренан (1863),

перенеся центр тяжести повествования в область социальной и индивидуальной психологии.

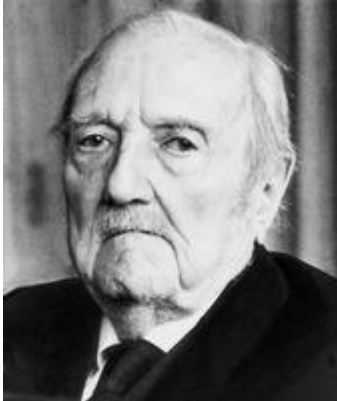
Концепции Штрауса был нанесен удар в результате переоценки лит. отношения синоптических Евангелий. Трудом К. Лахмана (1835), Х. Г. Вильке (1838), К. Г. Вайссе (1838), Г. Ю. Гольцмана (1863) была создана т. н. гипотеза двух источников (подробнее см. ст. Синоптическая проблема), согласно к-рой первым было написано Евангелие от Марка, тогда как Штраус вслед за Грисбахом считал его последним, что было существенно для оценки совпадений между Евангелиями от Марка и от Иоанна. Напротив, подлинная история жизни Иисуса Христа, по мнению Гольцмана, отражена именно в Евангелии от Марка; ее поворотный момент описан в Мк 8. 27 - 9. 1: если в Галилее развилось мессианское самосознание Иисуса, то в Кесарии Филипповой Он открыл Себя ученикам как Мессия. В эти биографические рамки Гольцман включал реконструированные из источника логий (Q) подлинные слова Иисуса. Кроме того, благодаря работам А. Ричля в Германии вопреки теории Штрауса победила богословская трактовка истории новозаветных событий. Концепцию «исторического Иисуса» подверг критике М. Келер, показав, что «реальный Христос» - это не образ, основанный на произвольно выбранных местах из синоптических Евангелий, но Христос всей Библии, Воскресший Христос, к-рого проповедовали апостолы (*Kähler M. Die Wissenschaft. 1883*).

И. Вейс с семьей

Последующая разработка вопроса об «историческом Иисусе» держалась преимущественно богословской линии. И. Вейс (1892) на базе Евангелия от Марка выделил как основу провозвестия Иисуса Христа его апокалиптическую проповедь. Однако В. Вреде (1901) утверждал, что и Евангелие от Марка отражает не столько историческую реальность, сколько богословские убеждения, характерные для ранней Церкви. Велльгаузен (1894) высказал мнение, что Иисус был проповедником внутримирного духовного Царства Божия и не думал о своем мессианском призвании. В комментарии к синоптическим Евангелиям Велльгаузен также настаивал на том, что Евангелия не должны рассматриваться как источник сведений о жизни Иисуса, их содержание определено мессианской верой первых христиан, а не историографическими задачами, тогда как повествовательная структура создана самими евангелистами. Бесперспективность такого рода либеральных реконструкций отметил А. Швейцер. В книге, посвященной истории исследования «жизни Иисуса» (*Geschichte. 1906*), подводя итоги, он показал, что в каждом из такого рода якобы

«научных» изображений «жизни Иисуса», основанных на лит. анализе евангельских повествований, воссоздавался именно тот образ Иисуса, к-рый представлялся этическим идеалом прежде всего для самих авторов этих «жизнеописаний». Введение этого факта в научный обиход явилось одной из причин краха либеральных исследований «жизни Иисуса».

Р. Бультман

В XX в., однако, проблема вновь стала актуальной. Р. Бультман считал, что синоптическая традиция возникла не из «жизни Иисуса», но из «жизни» ранней Церкви, отражая «мифологический» язык ее создателей (Jesus. В., 1926). В 60-х гг. «новый вопрос» об «историческом Иисусе» был поставлен в кругу учеников Бульзмана (Э. Кеземанн, Г. Борнхамм, Э. Фукс, Г. Браун, Г. Эбелинг), к-рые считали, что христологическая керизма необходимым образом требует и постановки вопроса об «историческом Иисусе», т. к. она основана на конкретной исторической фигуре. В отличие от прежних либеральных реконструкций «жизни Иисуса» на основании древних источников этот подход характеризовался методом религиоведческого сравнения на основании т. н. «критерия несводимости» (Unableitbarkeitskriterium, Differenzkriterium), с помощью к-рого исследователи пытались установить критически обоснованный минимум «подлинных» сведений об Иисусе, исключая все, что могло возникнуть в иудаизме того времени и в первохрист. общине.

С закатом бультмановской школы в 70-х гг. постепенно происходит и отказ от «нового вопроса», результатом к-рого, по мнению критиков, была лишь демонстрация характерных отличий первохристианства от раннего иудаизма и ересей того времени. Уже вскоре после этого, прежде всего в амер. науке, возникло направление, получившее название «третий поиск исторического Иисуса» (англ. third quest - Neil, Wright. P. 379 ff.). В отличие от прежнего подхода этот характеризуется в первую очередь социологическим интересом, стремлением продемонстрировать непрерывность в развитии от раннего иудаизма до проповеди Иисуса, а также включением апокрифических книг в круг источников для исследования. Иисус рассматривается только как основатель «внутрииудейского реформационного движения», радикализация этических заповедей Торы и эсхатология Его проповеди - как формально соответствующие др. радикальным теократическим движениям (Theissen G. Soziologie. 1977), а сама проповедь - как направленная на восстановление Израиля (Sanders E. P. Jesus. 1985). В рамках этого подхода все большее значение получают гипотетический «источник логий» (Q) и найденное в 1945 г. Евангелие от

Фомы, к-рое, по мнению нек-рых исследователей, может содержать достоверные традиции, независимые от синоптической (*Patterson S. J. The Gospel. 1993*). Споры вызывает подход Дж. Д. Кроссана, к-рый причисляет к первичным источникам самый ранний слой Евангелия от Фомы, Евангелие Эджертон, Евангелие евреев, «источник логий» и реконструируемое из Евангелия от Петра «Евангелие Креста» (*Crossan. Jesus. 1991*). Нек-рые авторы считают, что иудейский слой в Евангелиях является поздним, тогда как первоначальный образ Иисуса напоминает странствующего кинического мудреца (*Downing F. G. 1988; Mack B. L. 1988*). «Третий поиск исторического Иисуса» имеет своих представителей и среди израильских (иудейских) ученых. Д. Флуссер (*Jesus. 1968*) изобразил Иисуса как верного Закону иудея. Его проповедь определяет не критика Закона, но иудейские традиции: заповедь любви, преодоление идеи искупления и ожидание Царства Божия. В том же направлении работает специалист по раннему иудаизму, бывш. католич. свящ. Г. Вермеш (*Vermes. Jesus. 1973*). Он представил Иисуса странствующим проповедником-чудотворцем в свете иудейских источников, к-рые дают и др. примеры подобного образа жизни (напр., Ханин бен Доза).

В 80-90-х гг. XX в. амер. экзегеты предприняли опыт популяризации своих исследований исторической основы речений Иисуса посредством т. н. «семинара об Иисусе» (*Jesus Seminar*). Продолжаются также попытки восстановить «источник логий» (Q), в 2002 г. завершилась публикация результатов международного «проекта Q».

II. Исследования христианства апостольского периода. Разработка вопроса об «историческом Иисусе» шла параллельно с исследованиями раннего христианства. По характеру материала эти исследования лишь в незначительной мере могут опираться на археологию или независимые от новозаветной традиции источники, и вслед. этого работа теснейшим образом связана с вопросами текстологии и лит. критики новозаветных Писаний. С 20-х гг. XIX в. наиболее влиятельной фигурой в этом направлении протестант. исследований стал основатель т. н. новой тюбингенской школы Ф. К. Баур. Он показал, что без установления места той или иной новозаветной книги в историческом контексте раннего христианства не может быть дана ее оценка как исторического источника. Баур опирался на гегелевскую триаду и считал, что развитие шло от иудеохрист. петринизма (*An-sich-sein*) через павлинизм христиан из язычников (*Für-sich-sein*) к послеапостольскому универсальному христианству (*An-und-für-sich-sein*). Он сделал вывод о существовании первичных и вторичных источников по истории первоначального христианства; Книга Деяний апостолов получила у него низкую оценку ввиду, как полагает Баур, апологетической тенденции автора и игнорирования им историчности противоречий между текстами Посланий апостолов Петра и Павла; достоверным источником он признал лишь 4 Послания ап. Павла (Рим, 1 и 2 Кор, Гал). Баур противопоставил негативно-критическому анализу Штрауса анализ тенденции (*Tendenzanalyse*), т. е. авторского замысла, к-рый так или иначе отражается на достоверности сообщаемых сведений (1847). Цель Евангелия от Иоанна, по Бауру, заключена не в приведении исторических свидетельств, а в показе Божественного величия прославленного Христа; как исторический источник это Евангелие уступает

в достоверности синоптикам. Что касается последних, то Евангелие от Луки зависит от Евангелия от Матфея и проявляет ту же установку (*Absicht*), что и Книга Деяний апостолов, в то время как Евангелие от Марка, находясь в зависимости от Евангелий от Матфея и Луки, занимает нейтральную позицию, ибо это Евангелие написано тогда, когда противоречия между 2 основными направлениями раннего христианства уже были сняты. Евангелист Матфей изображает Иисуса Христа верным исполнителем иудейского закона, не обнаруживая тенденциозности, к-рая искажала бы историческую действительность, и потому Евангелие от Матфея является надежным источником. Выводы Баура об источниковедческой ценности синоптиков предложили более прочный исторический фундамент для исследования «жизни Иисуса», к-рого был лишен Штраус.

Однако картина истории первоначального христианства, представленная в работах Баура и его учеников, оказалась в противоречии с той, что складывалась по т. н. гипотезе двух источников синоптических Евангелий. Резкие возражения вызвало и то, что Баур датировал большинство апостольских посланий II в. С ним не согласились др. историки христианства. Э. Г. Рейс (1842) дал более детализированную картину раннего иудаизма, к-рая допускала существование помимо строго иудейской партии также и умеренного иудеохристианства, признавшего ап. Павла. Согласно Рейсу, различные группы в христианстве апостольского времени не сменяли друг друга, но сосуществовали вместе с самого начала. Т. о. вывод Баура о неподлинности малых Посланий ап. Павла и поздней датировке тех новозаветных писаний, к-рые не содержали следов противоборства радикальных иудеохристиан со сторонниками ап. Павла, утратил основание. Более последовательна была критика Ричля. В работе о возникновении Церкви (1850) он показал, что радикальное иудеохристианство вообще не оказало влияния на раннюю католическую Церковь, к-рая развивалась исключительно под влиянием проповеди ап. Павла, притом что его убеждения существенно не отличались от убеждений иерусалимской общины. Более сбалансированная историческая картина возникновения христианства была описана и в книге К. Вайцеккера (*Zeitalter*. 1886), пользовавшейся авторитетом в умеренно критическом лагере ученых. Сторонники консервативного направления отстаивали цельность, подлинность и историческую ценность всех новозаветных писаний и не видели противоречий в текстах раннего христианства, не отвергая при этом необходимости исторического анализа НЗ (Г. В. Лехлер. 1851; Б. Вейс. 1886).

История становления христианства, созданная в Тюбингене, решительно отвергалась теми богословами, кто не допускал самой возможности историко-критического исследования новозаветных текстов. Ф. Овербек оспаривал право богослова на историческое рассмотрение НЗ, ибо лишь светское толкование Писания, полностью игнорирующее нормативный характер НЗ, может претендовать, по его мнению, на научный подход. С др. стороны, Х. Кремер в Библейско-богословском словаре (1867) подчеркивал, что НЗ написан на изолированном от бытового общения священном языке «Христово Духа», к-рый не допускает в новозаветном богословии к.-л. развития. А. Шламтер, приняв в первой работе о вере в НЗ (1885) тезис о различии в богословии отдельных его частей, в дальнейшем подчеркивал именно целостность свидетельства новозаветных книг, к-рая объяснялась тем, что окружением Иисуса и

его учеников было палестинское иудейство; он отрицал и влияние эллинистической религиозности на ап. Павла. Крупный знаток истории ранней Церкви и богослов Т. [Цан](#) (1888-1892) подверг критике всю традицию историко-критического изучения НЗ, начиная с Землера; он протестовал против распространенного мнения, что канон НЗ возник после сер. II в. вслед. церковных определений или как итог длительного естественного развития, и настаивал на его сложении уже в I в.

В. Буссе

Представители радикальной исторической школы (П. Вернле. 1901; М. Брюкнер. 1903; Р. Райценштайн. 1910; В. Буссе. 1913; М. Гогель. 1904) много места по-прежнему уделяли различиям между провозвестием Иисуса Христа и богословием ап. Павла. В нек-рых трудах отвергалась историчность Иисуса (А. [Древс](#) и др.), оспаривалась подлинность всех Посланий ап. Павла (голл. радикальная критика). Вновь и вновь подвергалось критике Евангелие от Иоанна за «неисторичность» и связь с синкретическими религиями (см.: А. [Луази](#). 1903; В. Гейтмюллер. 1903). Наконец, был подвергнут сомнению библейский канон и предприняты опыты использования апокрифов и писаний мужей апостольских для характеристики истории раннего христианства и новозаветного богословия (см.: В. Вреде. 1897; П. Венланд. 1912; Х. Вейнель. 1911). Работы, основанные на методах историко-критического анализа, появляются в то время и в англоязычном научном мире (Дж. Б. [Лайтфут](#), У. М. [Рамсей](#), Ф. К. Беркитт, Дж. Хоукинс, Р. Дж. Чайлдс).

Начавшись под знаменем радикальной критики традиции во всех ее аспектах, это научное направление пришло со временем к сбалансированному пониманию исторических условий, в к-рых существовало христианство в первые десятилетия и даже столетия своей истории, когда сохранение религ. единства органически уживалось с многообразием и разнообразием всех возможных форм догматического учения, богослужения и канона (см.: *Dunn J. D. G. Unity and Diversity*. 1977; *Goldingay J. Theological Diversity*. 1987 и др.).

Сравнительное религиоведение

Возникновение во 2-й пол. XIX в. [религиоведения](#), вызванное знакомством со множеством ранее неизвестных форм религ. жизни, имело свои последствия и для Б. Первые опыты систематического исследования религии Др. Израиля принадлежат ученикам и последователям Велльгаузена (Р. Сменд. 1893; Б. Штаде. 1905; К. Будде. 1912). Для этих работ характерен эволюционистский подход в духе философии Гегеля. Работы Э. Зеллина (1896-1897, 1908), хотя и основаны на литературно-

критическом анализе Пятикнижия и данных археологии (1908), вполне консервативны и подчеркивают основополагающий характер эры Моисея для ветхозаветной религии.

Б. Дум

К исследованию религии Израиля вновь обратились представители т. н. школы истории религий. Это направление сложилось в Гёттингене вокруг Б. Дума и П. А. де Лагарда в 80-х гг. XIX в. и выступило против богословского подхода Ричля, настаивая на строгом приложении историко-критического метода к изучению христианства. Одной из основных задач этой школы являлась попытка выявить связь древнеевр. религии и христианства с др. религиями и обусловленность христианства иудейскими истоками и средой. Одним из принципов нового направления была признана необходимость исследования любой религии в системе ее ценностей. Представители школы не отрицали компаративистику, но на фоне всеобщего увлечения ею, обилия новых сравнительных данных и отсутствия строгой методологии эта осторожность была очень уместна. (Особо значимой она оказалась в полемике с панвавилонизмом.) К этому научному направлению могут быть отнесены Г. Гункель, Г. Грессман, А. Эйхгорн, В. Буссе, В. Вреде и В. Гейтмюллер, а также И. Вейс, А. Ральфс и др. Новое направление не ограничилось выявлением обусловленности отдельных исторических явлений, оно исследовало раннее христианство как часть религ. истории эпохи. И. Вейс (1892) показал, что Иисус, подобно проч. иудейским апокалиптикам, возвещал Царство Божие не как внутримирное, а как эсхатологическое событие близкого будущего. Для А. Швейцера (1901) Он - Мессия, к-рый не предполагает возможности прямого спасения во время его проповеди и лишь стремится своими страданиями приблизить пришествие Царства. В кн. «Geschichte der Leben-Jesu-Forschung» (1906) Швейцер показывает образ Иисуса как эсхатологического провозвестника. Подобным образом и Р. Кабиш (1892) определял эсхатологическую ориентацию богословия ап. Павла, Буссе (1896) сделал попытку установить связь Откровения от Иоанна Богослова с иудейской традицией (1896), Гункель отмечал вавилонское происхождение нек-рых черт Откровения Иоанна Богослова (1895).

Были также предприняты попытки выявления связи раннего христианства с эллинистической религией и философией. Буссе анализировал возможную роль мифа о драконе в формировании иудейско-первохрист. представлений об антихристе (1895); Гейтмюллер посвятил свое исследование поискам влияния эллинистической

магии имени на христ. представление о Крещении и связи христ. таинств с ритуалами др. религий (1903). Буссе также стремился выявить зависимость иудаизма от иран. и эллинистических религий, а также связи гнозиса с вост. религиями (1903, 1907). Наконец, Р. Райценштайн (1904, 1910) выдвинул положение о влиянии египетско-переднеазиат. мифологии на НЗ. Своего рода итог этим исследованиям подвел Гункель в своем положении о том, что христианство с исторической т. зр. есть религия синкретическая; по его мнению, мн. христ. представления и христологические идеи почерпнуты из вост. (но не эллинистических) религий через иудейскую традицию (1903). Согласившись с этим, Буссе в качестве решающего фактора развития христианства утверждал возникновение культа вознесенного Господа, к-рый сложился, когда христианство получило распространение среди язычников под влиянием их религ. культов (1913).

Еще в XIX в. сравнительно-историческое религиоведение находило себе применение в исследовании раннего христианства. А. Хильгенфельд (1857) первым обратил внимание на евр. апокалиптику как возможное связующее звено между ранним христианством и совр. ему иудаизмом (1857). На основании всех доступных к тому времени источников Э. Шюрер написал «Историю еврейского народа в эпоху Иисуса Христа» (1901-1902), значительное место в к-рой уделено роли апокалиптики в формировании христианства. О. Пфлайдерер описал раннее христианство как продукт религ. развития, возникший из эллинистического иудаизма и эллинизма (1887). К. Ф. Гейнрици (1887) и Э. Хатч (1883) утверждали наличие греч. влияния на устройство и жизнь христ. общин; Ф. Бальдансперже (1888) отметил иудейско-апокалиптические предпосылки провозвестия Иисуса Христа; Х. Людемманн исследовал евр. и эллинистические элементы в антропологии ап. Павла (1872); Г. Дальман (1898) на основе раввинистических источников рассмотрел провозвестие Иисуса Христа в контексте палестинского иудаизма; А. Дайсман (1908) показал, что НЗ написан на простонародном греч. языке того времени.

П.А. де Лагард

После первой мировой войны акцент в религиоведческих исследованиях смещается в сторону сравнения религии первохристианства с совр. ему палестинским иудаизмом. Уже Дж. Лайтфут, Дальман и Шлаттер показали, что ранняя раввинистическая лит-ра дает множество параллелей, полезных для понимания раннего христианства. Последующие работы в этой области выявили особенность раннехрист. благовестия на фоне лит-ры и религии раннего раввинистического иудаизма. В 1922-1928 гг.

П. Биллербеком был издан комментарий к НЗ на основе раввинистических текстов (Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrasch). Р. Киттель и К. Г. Кун предприняли переводы древнейших иудейских комментариев (Sifre zu Deuteronomium. Stuttg., 1922. 1. Lief.). В исследовании «Die Probleme des palästinischen Spätjudentums und das Urchristentum» (Stuttg., 1926) Киттель показал сходство в мировоззрении палестинского раввинистического иудаизма и первоначального христианства и их радикальное различие. Одновременно появились работы, дающие целостное описание иудаизма этого периода (см.: Дж. Мур. 1927; И. Иеремиас. 1923-1929; Ж. Бонсирван. 1934-1935). За ними последовали работы по отдельным темам, вскрывшие сходство и различие НЗ и палестинского иудаизма (см.: Montefiore C. G. Rabbinic Literature. 1930 (отмечена близость Иисуса к раввинам); R. Meyer. 1940; W. D. Davies. 1948).

Г. Гункель

После того как М. Лидсбарский опубликовал мандейские тексты (1915, 1920, 1925), исследователи отметили сходство нек-рых идей и представлений мандеев с Евангелием от Иоанна и даже высказали мнение, что гностическая мандейская мифология лежит в его основе (Р. Бультман. 1923, 1925; Э. Ломайер. 1926; В. Бауэр. 1925; Х. Виндиш. 1932). Н. Одеберг показал связь гностических концепций с иудаизмом (1929). Ученики Бультмана отметили присутствие гностических понятий, мотивов и мифов в НЗ (Х. Шлир. 1933; Борнкам и др.).

Эти работы вызвали острую критику: К. Холл (1925) настаивал на том, что христианство не является синкретической религией, что благая весть Иисуса Христа с самого начала была чем-то новым, что языческое влияние на ап. Павла не было существенным. С этим согласился А. Гарнак (Lehrbuch der Dogmengeschichte. 1909-19104). Католич. богослов М. Ж. Лагранж хотя и признал в комментарии на Евангелие от Иоанна (1928) наличие элементов мандейских представлений, но отверг возможность контактов между евангелистом и мандеями, а сходство между ними объяснял влиянием Евангелия на мандеизм, такого же мнения придерживались Гогель (1928) и Луази (1934). Х. Лицман (1930) установил, что сведения об Иоанне Крестителе, содержащиеся в мандейской лит-ре, относятся к визант. эпохе, а мандейский обряд омовения зависит от сир. христ. традиции, т. о. мандеизм не может рассматриваться среди источников гностических предпосылок христианства. Результаты исследования НЗ в его религ. окружении были сведены в 30-х гг. XX в. в

богословские и экзегетические словари (Словарь Бауэра (Wörterbuch zum Neuen Testament. 1928), ThWNT (изд. Киттель)).

Радикальная историческая школа не разделяла характерное для школы истории религии понимание сущности христианства и значимости фольклорных и мифологических параллелей (см.: *Wellhausen J.* 1899; *Harnack A. von.* *Dogmengeschichte.* 19094). Э. фон Добишюти (1904) подчеркивал, что школа истории религии обращает внимание гл. обр. на то, что видит в НЗ совр. читатель, и не стремится понять, как воспринимали христ. весть люди того времени. Было отмечено, что различия между проповедью Иисуса Христа и богословием ап. Павла весьма незначительны и что последний не был зависим от вост. и эллинистической идеологии (А. Юлихер. 1907; А. Швейцер. 1911). П. Вернле (1915), сторонник сравнительно-религиеведческого метода, соглашался с необходимостью поиска внутренних причин развития мессианской веры раннего христианства. Религиеведческий подход встречал оппозицию со стороны консервативного направления Б., представители к-рого настаивали на том, что в исследовании Библии исторический анализ должен играть вспомогательную роль, что историю раннего христианства нужно видеть в ее внутреннем развитии и лишь затем учитывать внешние влияния (см.: М. Köhler. 1897; М. Reischle. 1904; Р. Feine. 1904). Г. Гейнрици (1911) показал, что для раннего христианства не характерны экзальтация и вера в физическое действие таинств, т. о. он провел границу между христианством и эллинистическими мистериями. И. Дайсснер (1918), полемизируя с Райценштайном, отметил, что эллинистические мистические представления о пневматике и гностике характерны для противников ап. Павла в Коринфе, но не для апостола.

Благодаря находкам в Кумране (с 1947) в научный оборот были введены источники, совершившие настоящую революцию во мн. направлениях Б., в частности в новозаветных исследованиях. Они позволили по-новому увидеть религ. историю иудаизма периода Второго храма, идейную среду, в к-рой происходило становление христианства: проповедь св. Иоанна Крестителя о грядущем Суде Божиим и о прощении грехов, провозвестие Иисуса Христа о Царстве Божиим, иудейские религ. идеи и обряды того времени, в контексте к-рых развивалось христианство апостольского периода. В результате анализа вновь открытых и уже известных евр. текстов наметилась смена «интерпретационной парадигмы» при анализе истории НЗ: вместо эллинистических источников в основе объяснения истории раннехрист. богословских идей все чаще оказываются раннеиудейские источники межзаветного и раввинистического периодов (подробнее см. ст. Кумран).

Сравнительное изучение религий было продолжено в XX в. новыми методами. Так, для исследования религии Израиля оказались важны работы по социологии религии М. Вебера, к-рый стремился подчеркнуть своеобразие общественного устройства библейского Израиля, основанного на клятве верности Закону, а также - в определенный период - на эсхатологических ожиданиях. Уже в первые десятилетия XX в. историками древнеевр. религии были замечены достижения психологии, прежде всего работы В. Вундта. Нек-рые из его идей, напр. о природе экстатических состояний и их видов, были использованы для интерпретации религии ВЗ, гл. обр. понимания природы пророчества (Хельшер. 1914). В целом рассуждения о

психологических мотивах и моделях поведения стали естественны и даже необходимы в работах по истории религии в нач. XX в.

На рубеже XIX-XX вв. антропологический подход также нашел свое место в изучении древнеевр. религии. У. Р. Смит (1889) объяснял религ. феномены ВЗ, исходя из общей картины религии семитов, и в частности из ее примитивной стадии - религии кочевых племен, к-рую можно было реконструировать на основе полевых исследований жизни совр. бедуинов. Его внимание было сосредоточено на изучении ритуальной стороны культа, прежде всего на жертвоприношениях; он считал, что они являются ключом к пониманию верований. Дж. Г. Фрейзер, относивший себя к школе Смита, посвятил специальное исследование религии ВЗ (Folklore. 1918). Его интересовали реликты древнейших примитивных верований, к-рые антрополог мог выделить в ветхозаветных повествованиях. Книга Фрейзера легла в основу труда Т. Гастера «Миф, легенда и обычай в Ветхом Завете» (1969), до наст. времени остающегося справочником по сравнительной антропологии ВЗ.

Раскопки в Палестине в нач. XX в. открыли множество каменных алтарей на высотах, фигурки жен. божеств, детские захоронения как свидетельства жертвоприношений. Мн. исследователями они были истолкованы как явления, отражающие зависимость израильской религии, по крайней мере в ее народной, низовой форме, от религии Ханаана. Впосл. выяснилось, что не все археологические данные интерпретированы правильно (Хан. С. 205-209). Одной из первых «археологических» историй религии Ханаана, в т. ч. и израильского периода, была работа У. Грэхема и Х. Мея (1936). На основе интерпретации новейших на то время данных в ней сделана попытка представить верования Ханаана как последовательную смену эпох и выяснить своеобразие религии Израиля. Культ предков древнейшего периода сменяется культами плодородия в эпоху средней бронзы, Израиль преодолевает эту «материалистическую», природную религию этической проповедью пророков (Хан. Р. 209-212).

Истории развития религ. идей в Др. Израиле в широком контексте духовной истории Др. Ближ. Востока посвящены работы Олбрайта (1940, 1942), Г. Франкфорта (1946) и др. В работах Олбрайта учтен новейший археологический материал и дано изложение общей концепции религ. истории, к-рое опирается на достижения смежных наук, напр. антропологии (различие между дологическим и логическим типами мышления Л. Леви-Брюля).

Проблема монотеизма является одной из ключевых для труда израильского ученого И. Кауфмана (1960). Автор доказывает, что вера древних евреев всегда была монотеистической, они не были знакомы с магией, культом предков и т. д. Многочисленные археологические данные о поклонении израильтян ханаанским богам (Ваалу, Астарте и др.) интерпретируются как свидетельства фетишизма: идолы этих богов у израильтян не имели отношения к ханаанским культам.

В Германии после дискуссий о соотношении богословия и истории религии в 20-х гг. XX в. был достигнут нек-рый компромисс. Новые обобщающие труды по истории религии Др. Израиля в методическом смысле не содержали принципиальных новшеств сравнительно с «Религиозной историей» Р. Сменда и др. последователей Велльгаузена, хотя и включали новый фактический материал (Albertz. S. 27). Работа швед. ученого Ринггрена (1963) представляла собой синтез результатов работы швед.

ветви «школы мифа и ритуала» и нем. историко-критической экзегезы, особенно работ Альта и Нота; в структуре изложения заметно влияние богословской систематики. Это же относится и к книге В. Шмидта (1968, 19752), основная задача к-рой - дать историю представлений о Боге, начиная с периода жизни Израиля как кочевого племени; несомненным достижением является анализ влияний древневост. религий, и особенно угаритской, на религию Израиля. Г. Форер (1969) сделал попытку изложить историю религии в тесной связи с социально-политическими изменениями. Для этого он пользуется понятием «экзистенциальная установка» (Daseinshaltung) и выделяет 6 установок, соответствующих определенным социально-религ. течениям в Израиле: реставрационную, магическую, культовую, национально-религ., сапиентистскую и пророческую.

Р. Альберц, автор одной из последних нем. «Историй религии Израиля» (1991), отказывается от противопоставления терминов «древнееврейская религия» и «иудаизм», введенного Де Ветте и долгое время очень популярного; он не отдает предпочтения, напр., пророческой религии в противовес религии Закона; слепо принятая религия для него не менее ценна, чем дополненная; в целом он понимает развитие от древнейших форм религии до появления христианства как непрерывный процесс, открытый для внешних влияний.

Из множества исследований по вопросам религ. истории Израиля перечислим только наиболее важные работы (большинство из них компаративистские) по основным темам: монотеизм и культы древних божеств (Т. Бингер. 1997; Дж. Тайгей. 1987; О. Лорец. 1997); ханаанская мифология в текстах ВЗ (Ф. М. Кросс. 1973; Дж. Гринфилд. 1987; Дж. де Моор. 1972); история ветхозаветного богослужения (Г. Андерсон. 1987; У. Халло. 1987; М. Харан. 1978); пророчество (Г. Фукс. 1978; Б. Маргалит. 1998); магия (Э. М. Ямаучи. 1983); представления о загробном мире (К. Спронк. 1986; Н. Тромп. 1969).

Историко-литературный подход

Г. Гункель, к-рый активно исследовал библейские тексты методами сравнительного религиоведения, стал инициатором историко-лит. анализа Библии. Он рассматривал ее тексты не только как исторические документы, но и как произведения письменности со всеми присущими лит. произведениям особенностями. Гункель видел недостатки традиц. для XIX в. источниковедения (метода анализа источников, нем. Quellenkritik) в том, что сами источники, из к-рых складывались библейские книги, рассматривались вне исторической динамики и вопрос об их происхождении и значении не ставился. В результате возник интерес к вопросам лит. жанра, истории редактирования и переписки, к-рый завершился созданием метода анализа жанровых форм (нем. Formgeschichte/Formkritik), его развитие стало определяющим для библейской науки на протяжении полувека и более.

Принципы нового метода были заложены в работах Гункеля (1901, 1926). Объектом исследования стали т. н. «малые единства», т. е. отдельные тексты, по-видимому независимо существовавшие в традиции до вхождения в «источники» («большие единства»). Выявленные т. о. формальные и содержательные элементы, к числу к-рых

относятся формулы, лексическое наполнение, композиционная структура, ритм, аллитерация, устойчивые эпитеты, позволяли давать жанровую характеристику текстам древнеевр. лит-ры. Жанрами устной словесности, обеспечивающими устойчивость текста, являются гимны, плачи, пословицы или притчи, рассказы, легенды. Анализ не ограничивался формально-лит. стороной, но для каждого из выделенных «малых единств» следовало определить «место в жизни» (Sitz im Leben), т. е. выявить цели и условия их общественного применения и функционирования. Гункель назвал этот методический подход исследованием жанров (Gattungsforschung), предполагая дать описание всей Библии под этим углом зрения. В 1919 г. М. Дибелиус ввел для его обозначения термин «история форм» (Formgeschichte), считая, что жанровая форма присуща лишь более крупным текстовым единицам.

Первое исследование Гункеля такого рода появилось в 1901 г. и было обращено на предания о ветхозаветных патриархах. Возникнув в устной форме, предания долгое время передавались изустно, тогда же из них сформировались «циклы саг» (Sagenkränze). Позже они составили основу письменных источников I и E. Т. о., метод анализа жанровых форм не исключал анализа источников, но дополнял его исследованием дописьменной стадии существования традиции. При исследовании псалмов Гункель (1926) показал, что они не являются результатом поэтического вдохновения одного человека, а отражают различные богослужебные традиции.

В 20-х гг. XX в. метод анализа жанровых форм находит применение в исследованиях НЗ. Впервые он использован применительно к Евангелиям К. Л. Шмидтом, предположившим вторичный характер композиционного обрамления евангельской истории, составленной из кратких рассказов (перикоп) устной традиции (1919). Дибелиус (1919) указал на обусловленность устного евангельского Предания жизнью ранней Церкви, когда сюжетные единицы, составившие в дальнейшем повествования, находили применение в проповеди и религ. обучении. Р. Бультман (1921) исследовал материал синоптических Евангелий, чтобы проследить развитие жанровых форм и определить историческую ценность этого материала, в создании к-рого, по его мнению, творческая роль принадлежала христ. общине периода после Воскресения Христова. При этом историческая значимость евангельского Предания была сочтена незначительной. Такой вывод вызвал возражения мн., особенно католич., ученых в Германии и др. странах (Ч. Г. Додд, Э. К. Хоскинс). При дальнейшем применении метода были выявлены долит. поэтические фрагменты в Посланиях ап. Павла (Э. Ломайер. 1929), древнейшее предание в Книге Деяний апостолов (Э. Хенхен. 1956), И. Иеремияс сделал попытку реконструировать ранние формы притч и мотивы, ставшие причиной их дальнейшего изменения в традиции христ. общины (1952). Сканд. и англ. наука также приняла участие в исследованиях с помощью анализа жанровых форм, сочетая реконструкцию устного предания с признанием исторической достоверности евангельского повествования (В. Тейлор. 1935; Neill. P. 251 ff.).

Основные недостатки метода анализа жанровых форм сводятся к следующим: нельзя с уверенностью выделить единицы текста, составляющие далее неразложимое целое, не всегда возможно установить их функции, при таком подходе центр тяжести в

евангельском повествовании переместился на раннюю общину, вытеснив на периферию фигуру Христа.

Интерес к устной традиции, проявившийся в связи с анализом лит. форм, способствовал рождению др. метода. По-видимому, Гункель ввел его в научный обиход под названием «история традиции» (Traditionsgeschichte, Überlieferungsgeschichte, последний термин также применяется в текстологии) - передача определенной единицы текста или идеи преимущественно в устной форме от одной среды в др., от одного поколения к др. Стабилизация текста и его канонизация останавливают развитие традиции. Одним из достижений нового метода стало, в частности, доказательство того, что мн. тексты Пятикнижия возникли в непосредственной связи с храмовым богослужением (см.: З. Мовинкель. 1923; Г. фон Рад. 1938). М. *Hom*, один из ведущих представителей школы «истории традиции», показал (1948), что основной корпус израильских преданий возник в устной форме, включая обетование патриархам, исход из Египта, синайское Откровение, переход через пустыню и проч. Источники Пятикнижия нельзя рассматривать как продукт индивидуальной деятельности древних писателей, они представляют собой достояние племен или групп.

Метод истории традиции, как правило, успешно сочетавшийся с методом анализа источников (Нот и др.), привел нек-рых исследователей к отрицанию документальной гипотезы Графа-Велльгаузена. Так, швед. ученый И. Энгелль (1969), отвергая теорию источников, предложил считать, что именно устные традиции составили основу Пятикнижия, созданного впервые в послевоенный период автором, близким к священническому источнику (Р). Исследования сканд. ученых выделились в особую «скандинавскую школу» библейской критики, для к-рой характерна тенденция к «омоложению» датировок ВЗ.

Обращаясь к НЗ, этот метод, в частности, находит в 1 Кор 11. 23-25 отражение евхаристической практики в период, предшествующий деятельности ап. Павла, в Рим 1. 2-4, 3. 24-26 - сотериологической традиции того же времени и т. д. У этого метода те же недостатки, что и у метода анализа жанров: выделение малых смысловых единств не всегда определено, богословские выводы чаще всего носят гипотетический характер.

Продолжением метода истории традиции стал метод истории редакций (Redaktionsgeschichte): если первый расширяет понимание долит. стадии развития библейских текстов, то второй сосредоточен на различных этапах их лит. обработки. Выражение впервые применил В. Марксен при анализе работы ап. Марка как редактора (1956), но сам метод применялся еще при исследовании ВЗ; кроме того, замечания Баура о редакторской деятельности евангелистов (см. выше в разд. «История первоначального христианства») также очень близки к этому методу. Много важных наблюдений над редактированием Второзакония и др. исторических книг сделали фон Рад и Нот. Один из ведущих представителей этого направления, Р. Рендторф (1977), отказываясь от документальной гипотезы, предложил различать редакции отдельных т. н. больших единств и окончательную редакцию Пятикнижия.

Кроме названной работы Марксена большим достижением этого метода признается исследование редакторской деятельности ап. Луки, осуществленное Х. Концельманном (1954). Под влиянием Бультмана в исследованиях НЗ в 60-70-х гг. XX в. произошло смещение интереса от исследования долит. жанровых форм к анализу богословских позиций евангелистов. Центром многочисленных исследований стал анализ влияния богословских воззрений евангелиста на его редакторскую работу (Г. Борнхамм, Ф. Фильхауэр, Концельманн, Марксен, Э. Хенхен). Недостатком метода является то, что, сосредоточившись на отличиях и изменениях, эти исследователи не дают полного описания богословской позиции автора.

Литературно-критический подход

Во 2-й пол. XX в. наметился рост интереса к лит. организации библейских текстов, что было вызвано осознанием исчерпанности прежних методов исследования, а также влиянием структурализма в гуманитарных науках. Центр внимания исследователей сместился от происхождения и истории к структуре и функционированию объекта исследования. Историческое изучение лит. произведения направлено на то, чтобы открыть первоначальный авторский замысел и его последующую историю, тогда как читателю необходимо понять содержание находящегося перед ним текста. Поэтому литературно-критический подход занимается самим текстом и ориентирован на читателя, а не на автора; он нацелен на целостное восприятие текста и находится, т. о., ближе к методам традиц. интерпретации Библии, к-рые осуществлялись на протяжении всей истории ее религ. использования (см. ст. Экзегеза Свящ. Писания). Это первый в истории Б. метод исследования, к-рый возник и развивался преимущественно в англоязычной научной среде.

Лит. анализ Библии иногда называется нарративным анализом (англ. literary criticism, narrative criticism), поскольку уделяет внимание структуре повествовательных книг и разделов; до его появления библейские тексты разделяли на прозаические и поэтические (стихотворные). В составе ВЗ выделяют неск. повествовательных жанров: термин «сага» обычно прилагают к рассказам о патриархах, «легенда» - к истории Моисея и Илии, «новелла» - к истории Иосифа, а также к Книгам Есфири, Руфь, Ионы, Товита, «этимологический рассказ», т. е. повествование о происхождении того или иного явления или названия - к Вавилонскому смешению (Быт 11) и проч. Когда цикл книг от Бытия до 4-й кн. Царств и 1-2 Паралипоменон рассматривают как «историческое сочинение», то в его составе выделяют художественные жанры (сага, новелла и т. п.) и документальные (летописный или исторический рассказ, родословная запись, законодательный текст и т. п.). Обращается внимание на диалогическую структуру или драматизацию повествования в Книгах Есфири, Ионы, Руфь, Даниила и др. Отмечается наличие сюжетных построений (рассказы о грехопадении, о борьбе Соломона и Адонии за наследие и др.), литературно выписанных персонажей (образы Авраама, Давида и др.), позиции рассказчика.

Одним из главных методов лит. исследования Библии является риторический анализ (rhetorical criticism), связанный с исследованием жанровых форм, поскольку он

изучает стилистические средства организации лит. единств, из к-рых строится текст. Риторический анализ уделяет внимание социальной ситуации, в к-рой возникает и функционирует текст, а также способствует построению исторической поэтики на материале библейских текстов.

Структурализм придает особое значение внутреннему отношению элементов, образующих единство, и функции каждого из них. Так, напр., было отмечено в эпизоде борьбы Иакова с ангелом (Быт 32. 22-32): последний соединяет в себе соперника и защитника, что можно истолковать как свидетельство радикального монотеизма, к-рый допускает существование лишь одной духовной силы (*Barthes R. The Struggle with the Angel // idem. Analyse structurale et exegese biblique: Essais d'interpretation. [Neuchâtel], 1971*). Т. о., этот метод, не вводя новой экзегезы, формально выявляет важные структурные элементы текста.

На почве семиотики, с одной стороны, и психологии, с др., возник метод анализа читательского восприятия (*reader-response criticism*), к-рый вскрывает целый ряд новых возможностей понимания библейского текста, обусловленных совр. социальным опытом.